

ВВЕДЕНИЕ

Наука о художественной литературе (литературоведение) многопланова. В ее составе различаются научные дисциплины двоякого рода. Первые традиционно именуются вспомогательными, но, по словам В. В. Прозорова, относятся «к основополагающим, жизнеобеспечивающим, опорным отраслям литературной науки»¹. Эти дисциплины являются одновременно и служебными, и «базовыми», фундаментальными, ибо придают литературоведению фактографическую, эмпирическую надежность. Таковы *библиография*, *источниковедение* (в том числе архивоведение), *текстология* (в ряде случаев основанная на данных палеографии) в их литературоведческих аспектах. Без соответствующих знаний и практических навыков сколько-нибудь серьезный литературовед непредставим, ибо фундамент любой профессионально ответственной деятельности — это владение ее техникой, ремеслом в самом высоком смысле этого слова.

Вторые дисциплины именуются «главными отраслями литературоведения» (Ю. В. Манн) и (в отличие от первых, «базовых») характеризуются как «надстроечные» (В. В. Прозоров). Это прежде всего бескрайне широкая область конкретных исследований историко-литературных фактов и связей между ними, т. е. *история литературы*, составляющая центр науки о литературе и, можно сказать, ее увенчивающая. Это также предмет нашей книги: *теория литературы*, или *теоретическое литературоведение*. Данная дисциплина занята общими закономерностями литературной жизни и в первую очередь — творчества писателей.

Теория литературы призвана обобщать сделанное в области истории литературы, а одновременно — стимулировать и направлять конкретные литературоведческие исследования, давать им познавательную перспективу. По отношению к истории литературы она является дисциплиной вспомогательной. Вместе с тем теория литературы обладает самостоятельной и уникальной гуманитарной значимостью. Ее правомерно отнести к числу *фундаментальных* научных дисциплин. Сфера теории литературы — максимально широкие обобщения, которые проливают свет на сущность художественной

¹ Прозоров В. В. О составляющих современного литературоведения//Филология. Саратов, 1996. С. 28.

литературы, а в какой-то мере и на преломляемую ею человеческую реальность как целое. В этом отношении теоретическое литературоведение сродно (и постоянно пересекается) с теориями искусства и исторического процесса, с эстетикой, культурологией, антропологией, герменевтикой, семиотикой как дисциплинами философскими.

Теория литературы, в свою очередь, сложна и имеет различные аспекты и разделы. Ее центральное звено — *общая поэтика*, именуемая также теоретической. Это — учение о литературном произведении, его составе, структуре и функциях, а также о родах и жанрах литературы. Наряду с общей поэтикой теоретическое литературоведение включает в себя учения о сущности литературы как вида искусства, а также о закономерностях ее пребывания и движения в истории (*теория литературного процесса*).

Теория литературы изобилует моментами дискуссионными и спорными. Многие суждения и концепции между собой решительно расходятся, порой оказываясь несовместимыми. Разнобой мнений, позиций, точек зрения ученых закономерен и, надо полагать, неустрашим в принципе, ибо понимание сущности литературного творчества во многом зависит от той культурно-исторической ситуации, в которой оно возникло и получило обоснование, и, конечно же, от мировоззренческой ориентации литературоведов, которая бывает самой разной. По словам современного польского ученого, любую теорию «надо рассматривать как документ, свидетельство о состоянии художественного сознания в данную эпоху». Отсюда делается достаточно жесткий вывод, что не может быть единой, универсальной теории литературы на все времена: «Суждения предыдущих теорий не входят в состав суждений теорий более новых — предыдущие обычно отвергаются или вообще игнорируются, а если что-либо из них и сохраняется, то всегда получает новую интерпретацию»¹. При этом многие теории, склонные спорить с предшествующими, ориентируются на локальный художественный опыт, являясь программным обоснованием практики определенной литературной школы (направления), защищая и манифестируя некую творческую новацию. Таковы связи формальной школы на ее ранних этапах с футуризмом, ряда работ 30—50-х годов с социалистическим реализмом, французского структурализма (отчасти и постструктурализма) с «новым романом», постмодернизма с весьма влиятельной ныне эссеистикой. Подобного рода литературоведческие концепции имеют *направленческий характер*. Они, как правило, являются *монистическими*: сосредоточиваются преимущественно на какой-либо одной грани литературного творчества. Это обуславливает как их несомненные достоинства (углубленное рассмотрение определенного аспекта литературы, четкость обобщений и формулировок), так и нередкие — склонность к непомерно жестким схемам, которая ведет к догматической узости,

¹ Фарыно Е. Введение в литературоведение: В 3 ч. Катовице, 1978. Ч. 1. С. 29.

и невнимание к разнообразию и «многоцветью» словесного искусства. Среди монистических теорий (наряду с уже названными) — психоаналитический метод с опорой на З. Фрейда, марксистская социология, структурализм, концепция мифопоэтической сущности искусства, опирающаяся на К. Г. Юнга. Перечисленные научные школы основываются каждая на своем, особом, специфическом методе, который его поборниками нередко мыслится как единственно плодотворный и правильный.

Теория литературы располагает также и иной, «вненаправленческой» традицией, которая чужда монистической жесткости и, на наш взгляд, ныне весьма актуальна. В отечественной науке она ярко представлена работами А. Н. Веселовского. Ученый решительно отказывался провозглашать какой-либо научный метод единственно приемлемым и верным. Он говорил о границах использования каждого из них. Характеризуя труды одного из современных ему ученых, где акцентировалась генетическая связь народно-песенных сюжетов с бытовым укладом, Веселовский замечал: «Метод не новый, но им надо пользоваться умеючи, памятуя, что он не исключительный и что, когда бытового критерия не хватает, необходимо браться за другой»¹. Теоретико-методологическая непредвзятость, недогматичность мышления Веселовского ценны и насущны поныне как противовес всякого рода «единоспасающим» концепциям и притязаниям ученых на полноту владения истиной.

Далеко не случайна и ненавязчивая, осторожная тональность работ Веселовского, которая, на наш взгляд, для теоретического литературоведения оптимальна. Ученый не любил безапелляционно провозглашаемых тезисов. Едва ли не основная форма его обобщающей мысли — это предположительное суждение, нередко формулируемое в виде вопроса. Например: «Сходство народных верований, при отличии рас и отсутствии исторических связей, не может ли быть объяснено из природы психологического процесса, совершающегося в человеке?»² Или: «Нет ли законного (т. е. закономерного.— В. Х.) соотношения... между внешним признаком и тем содержанием, которое оно (произведение.— В. Х.) предназначено характеризовать?»³

Тому, что было свойственно «вненаправленческим» трудам А. Н. Веселовского, во многом сродны теоретические работы таких крупных ученых XX в., как В. М. Жирмунский, А. П. Скафтымов, М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев. Эти литературоведы активно синтезировали разнородный теоретико-литературный опыт и прошлых эпох, и современный. Подобные теоретические ориентации с некоторой долей при-

¹ *Веселовский А. Н.* Мелкие заметки к былинам. XVI//Журнал министерства народного просвещения. 1890. Март. С. 29.

² *Веселовский А. Н.* Сравнительная мифология и ее метод//*Веселовский А. Н.* Собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 86.

³ Неизданная глава из «Исторической поэтики» А. Н. Веселовского//Русская литература. 1959. № 3. С. 118.

близительности можно назвать *традиционалистскими* или *культурологическими*. Они в большей мере опираются одна на другую, нежели враждуют между собою. Предлагаемая читателям книга наследует эту традицию теоретического литературоведения, но вместе с тем принимает во внимание и обсуждает опыт «направленческих» концепций.

Отечественная наука о литературе ныне освободилась от принудительного пресса марксистской социологии и концепции социалистического реализма как высшего этапа литературы, от методологической жесткости, которая декретировалась сверху. И сейчас не надо отдавать себя в плен иного рода монистическим построениям, будь то культ чистой формы либо безликой структуры, или постфрейдистский «пансексуализм», или абсолютизация мифопоэтики и юнговских архетипов, или, наконец, сведение литературы и ее достижений (в духе постмодернизма) к ироническим играм, разрушающим все и вся. Мы считаем, что сегодняшней теории литературы следует быть максимально открытой, «распахнутой» навстречу самым разным концепциям и притом критичной к любому направленческому догматизму. Важно, чтобы теоретическое литературоведение впитало в себя как можно больше живого и ценного из *разных* научных школ. В частности, и вузовскому преподаванию этой дисциплины подобает решительно уходить от «циркулярной» педагогики и предначертанных «единоспасающих» установок, в то же время избегая аморфности и эклектичности суждений.

В представлениях о понятийно-терминологическом аппарате литературоведения имеют место две нежелательные крайности. С одной стороны, это программа унификации, а порой и декретирования терминов, опыты построения их системы по образцу математических, естественных и технических наук, где опорные слова строго однозначны. Вряд ли желательна установка на разработку беспрецедентно новых терминологических комплексов — «супертерминологическая каббалистика», которая «возобновляет в посвященных чувство собственной избранности»¹. С другой же стороны, для литературоведения далеко не оптимальны (к сожалению, весьма широко бытующие) смысловая невнятица в опытах теоретизирования и апология понятий «размытых» и «смутных», не могущих иметь определения (дефиниции).

Основные, *ключевые* слова науки о литературе (пользуюсь выражениями А. В. Михайлова) не являются терминами по подобию наук негуманитарных, но вместе с тем (в рамках той или иной культурной традиции, художественного направления, научной школы) обладают большей или меньшей *смысловой определенностью*. В данном пособии предпринят опыт характеристики *главных* значений клю-

¹ Сапаров М. А. Понимание художественного произведения и терминология литературоведения // Взаимодействие наук при изучении литературы. Л., 1981. С. 235.

чевых слов науки о литературе (их, как правило, немного: не больше двух-трех).

Одна из основных задач автора книги — сделать шаг в сторону преодоления весьма значительной ныне дистанции между тем, что достигнуто наукой о литературе, и тем, что вошло в обиход вузовского преподавания ее теории. В частности, в обсуждение вовлекается ряд понятий и терминов, которые отсутствуют в имеющихся пособиях: преднамеренное и непреднамеренное в художественном творчестве, роль читателя в литературной жизни, классика и массовая литература, элитарные и антиэлитарные концепции, традиционная и нетрадиционная герменевтика, произведение и текст, нарратология, ценностные ориентации и формы поведения персонажей, внеродовые формы литературы и многое другое.

Методическая установка, лежащая в основе пособия, может быть названа *координирующей*. В книге сопоставляются и анализируются разные, порой между собой несовместимые научные идеи и концепции. Системность и логическая упорядоченность в соединении с антидогматичностью и диалогической открытостью — вот к чему стремился приблизиться автор. Подобная стратегия, хочется надеяться, в состоянии способствовать *свободному самоопределению* формирующихся литературоведов.

Вовлекая в обиход вузовского преподавания поныне отсутствующие в его составе понятия и термины, концепции и суждения (как современных ученых, так и гуманитариев прошлых эпох), мы сочли необходимым давать многочисленные отсылки к имеющим теоретико-литературную значимость работам, компактно их излагать и цитировать. В противном случае у читателей возникло бы ложное впечатление, что высказываемые мысли принадлежат исключительно автору учебника. Библиографические отсылки весьма желательны и потому, что они в состоянии направить круг чтения начинающих литературоведов.

Автор использует опыт пособий по теории литературы, которые созданы как за рубежом¹, так и в нашей стране (начиная с 1920-х годов). Назовем прежде всего книгу Б. В. Томашевского «Теория литературы. Поэтика» (1925), самый серьезный из учебников по данной дисциплине, после долгого перерыва недавно переизданный (его положения, в особенности касающиеся стилистики, не утратили своего значения и ныне). Благим событием в литературоведении, оказавшим воздействие и на ее вузовское преподавание, стала трехтомная «Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении» (М., 1962—1965), созданная коллективом науч-

¹ См.: *Kayser W.* Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. Bern, 1948; *Уэмек Р.* и *Уоррен О.* Теория литературы/Пер. с англ. М., 1978; *Маркевич Г.* Основные проблемы науки о литературе/Пер. с пол. М., 1980; *Фарыно Е.* Введение в литературоведение. 2-е изд., перераб. и доп. Варшава, 1991.

ных сотрудников Института мировой литературы. Сыграли в свое время положительную роль (но на сегодняшний день во многом устарели) учебники Л. И. Тимофеева (1945), Н. А. Гуляева (1978), Г. Н. Пospelова (1940 и 1978; а также изданное под его редакцией «Введение в литературоведение» — 1976, 1983, 1988). В этом ряду и появившаяся позже, чем следовало бы, «Теория литературы» И. Ф. Волкова (1995). Из многочисленных новых пособий теоретического характера назовем весьма содержательную, легко и ясно написанную работу В. А. Грехнева «Словесный образ и литературное произведение» (Нижний Новгород, 1997).

Предлагаемая читателям книга содержит, во-первых, обсуждение *общих* проблем литературоведения, характеризует природу художественной литературы и ее соотношения с иными видами искусства. В первых трех главах обозначаются связи науки о литературе с эстетикой, аксиологией, культурологией, учением о мифах, герменевтикой. Четвертая и пятая главы — центральные, они посвящены теоретической поэтике. И, наконец, шестая, заключительная глава имеет предметом генезис литературного творчества, соотношенность литературы с историческим процессом, закономерности ее эволюции.

Содержание и структура данного учебника формировались в процессе чтения соответствующего лекционного курса на филологическом факультете МГУ. Автор бесконечно многим обязан общению с Г. Н. Пospelовым, своим учителем, — общению, которое со временем все чаще сопровождалось спорами. Автор благодарен за участие в его работе членам кафедры теории литературы, а также тем студентам, которые активно откликнулись на его курс ценными советами и критическими суждениями. Кроме того, искренняя благодарность всем, кто на протяжении ряда лет отзывался на мои теоретические штудии, высказывая свои пожелания и замечания: А. А. Аниксту, А. Ф. Белоусову, Е. В. Волковой, М. Л. Гаспарову, С. И. Гиндину, А. М. Гуревичу, Б. Ф. Егорову, Г. К. Косикову, В. В. Кускову, Т. Г. Мальчуковой, В. М. Марковичу, А. В. Михайлову, Н. Г. Полтавцевой, А. Н. Полякову, Н. П. Розину, О. А. Седаковой, Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпе, Л. В. Чернец, Ю. Н. Чумакову, Л. П. Шатиной; рецензентам учебника Н. К. Гею и кафедре теории литературы Тверского государственного университета (зав. кафедрой И. В. Фоменко), одобрявшим рукопись, а также отозвавшимся на первое и третье издания в журналах «Вестник МГУ», «Вестник УДН», «Филологические науки», «Высшее образование в России», «Новое литературное обозрение» А. Ю. Большаковой, В. П. Голубковой, Л. А. Колобаевой, С. И. Кормилову, В. В. Прозорову, С. Н. Зенкину, О. С. Мирошниченко и В. Н. Чубаровой.

Параграф «Формы поведения» написан С. А. Мартыановой, параграф «Самосознание персонажа. Психологизм» — совместно с ней (раздел «Мир произведения»); параграфы «Массовая литература»

и «Беллетристика» — при участии покойной *Е. М. Пульхритудовой*; именной и предметный указатели для четвертого издания составлены Ек. В. Волковой.

Постраничные примечания в их значительной части являются рекомендациями студентам для самостоятельного ознакомления с соответствующей научной литературой. При изучении курса автор советует также обращаться к хрестоматиям¹ и энциклопедическим изданиям².

¹ См.: Хрестоматия по теоретическому литературоведению. /Изд. подгот. И. Чернов. Тарту, 1976; Хрестоматия по теории литературы/Сост. Л. Н. Осьмакова. Вступ. ст. П. А. Николаева. М., 1982; Поэтика. Труды русских и советских поэтических школ/Сост. Д. Кирай, А. Ковач. Budapest, 1982; Введение в литературоведение: Хрестоматия/Под ред. П. А. Николаева. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997; Теоретическая поэтика: Понятия и определения: Хрестоматия/Авт.-сост. Н. Д. Тмарченко. М., 2001.

² См.: Литературный энциклопедический словарь/Под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М., 1987; Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США. Концепции, школы, термины/Сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. М., 1996; Литературная энциклопедия терминов и понятий/Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2001; Литературоведческие термины (материалы к словарю)/Ред.-сост. Г. В. Краснов. Коломна, 1997, 1999. Вып. 1-2.

Учебное издание

Валентин Евгеньевич Хализев

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Редактор *Т.А. Феокистова*
Внешнее оформление *В.Н. Хомяков*
Технический редактор *Л.А. Маркова*
Компьютерная верстка *Л. В. Коростылева*
Корректоры *Б.Г. Прилишко, Т.Д. Бенедиктова*

Лицензия ИД № 06236 от 09.11.01.

Изд. № ЛЖ-249. Подп. в печать 24.01.07. Формат 60x88^{1/16}.
Бум. офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Объем 24,99 усл. печ. л., 25,74 усл. кр.-отт.
Тираж 2000 экз. Заказ № 16348 (к-См).

ФГУП «Издательство «Высшая школа»,
127994, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., 29/14.

Тел.: (495) 694-04-56.

<http://www.vshkola.ru>. E-mail: info_vshkola@mail.ru

Отдел реализации: (495) 694-07-69, 694-31-47, факс: (495) 694-34-86.

E-mail: sales_vshkola@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Смоленский полиграфический комбинат».
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.